

В 1992 г. вышла получившая большое влияние книга под пресловутым названием «Конец истории». Написана она была под воздействием распада мировой системы социализма. На ее страницах американский политолог Фрэнсис Фукуяма предрекал: «Мы являемся свидетелями не только конца Холодной войны, ... мы достигли конечного пункта развития идеологии, универсализации западной демократии как единственно возможной формы общества».

В те тучные благословенные времена западный мир был окрылен, помимо прочего, оптимистической идеей, что скоро и с бывшей страной Ленина его неразрывно свяжут узы политической и экономической гармонии: уважение прав человека и свободная рыночная экономика повсеместно – от Сан-Франциско до Владивостока.

В тот раз прошло однако не много времени, прежде чем люди, которые знали о моем происхождении из Восточной Германии, начали спрашивать меня, почему у Ельцина и его команды ничего не получилось. Тогда начались эти постоянные и массовые демонстрации с применением силы, война в Чечне, коррупция... Все это никак не было похоже ни на описанный Фукуямой ожидаемый конец истории, ни на тот энтузиазм, с которым все когда-то в 1991 начиналось на Манежной. Что же случилось с русскими?, - думалось кому-то в Цюрихе или Лондоне. Может они не созрели для демократии? Или они просто *не желают* перенимать нашу систему...?

Но ведь и другие народы вроде бы тоже не сразу убедились в преимуществах демократического капитализма. Фукуяме в конце концов пришлось – на фоне событий 11 сентября 2001 г. – допустить, что конец истории придется отложить, учитывая набирающий силу исламизм. Незыблемым осталось при этом убеждение, что Запад остается лучшим из миров, а люди, которые где-либо протестуют против своих правительств, не хотят ничего иного, кроме как жизни в капиталистических условиях. Когда, например, в Тунисе или Египте десятки тысяч людей вышли на улицы и правящий режим пал, арабскую весну приветствовали в Вашингтоне, Лондоне или Франкфурте как поворот к демократии, хотя уже с первых недель молодые демонстранты в Каире не делали тайны из того, что хотят освободить Египет не только от Мубарака, но и от американского влияния.

Один из колумнистов Нью Йорк Таймс пару дней назад описал свой недавний визит в Москву: на улице 16 градусов ниже нуля, а 120 000 человек пришли, чтобы выразить свой протест против Путина. При таких погодных условиях численность пришедших говорят сама за себя, считает колумнист. Это было-де как землетрясение, как вулкан. А потом он вспоминает про Каир и Дамаск и проводит параллели. Ему повсюду видятся демократические движения.

Эти наблюдения безусловно имеют под собой основания, а демонстранты всегда заслуживают большого уважения. Но картина эта не полная. Если бы, допустим, колумнист задержался в Москве подольше, то он мог бы стать свидетелем сопротивления здешнего бургомистра заявке на демонстрацию за Путина, согласно которой в центре города намерены собраться 200 000 человек. Предположительно до 23 февраля температуры не сильно повысятся, и вполне возможно, что это снова будет как землетрясение, как альтернативный вулкан.

На первый взгляд страсти по поводу политического дискурса, выплеснувшегося на улицы, выглядят странно. Вроде ведь никто не сомневается в исходе выборов 4 марта. И несмотря на фрустрацию, протест и прежде всего пафос («Спасем Отечество!») Россия - не Египет, и не Сирия. Тогда получается, что противостояние на улицах Москвы – не более, чем игра с нулевой суммой?

Хотя у демонстрантов вполне могут быть противоположные политические цели, в одном они кажется единодушны: они должны взять всю ответственность в свои руки. Ареной спора, каким должно быть дальнейшее развитие страны, больше не является парламент, ею стала улица, общественное пространство. Но и общественное пространство имеет свои ограничения, в этой стране оно даже не совсем является общественным, но многим людям это в настоящий момент вовсе не мешает. В конце концов все началось с обвинений в фальсификации выборов, и сейчас народ настаивает на своем законном праве. Так что этот протест – конструктивный протест.

Именно поэтому нынешние события заслуживают того, чтобы их рассматривать иначе, чем через призму ситуации в Сирии или Египте. Стороннему наблюдателю гораздо больше бросается в глаза совершенно не романтическое сходство с социальными беспорядками, имевшими место в Европе последние несколько месяцев. И на Западе пробил час протеста. В то время как недовольные российские избиратели собираются на Триумфальной или Болотной, почти во всех европейских столицах сформировалась оппозиция глобальному капитализму и социальным последствиям экономического кризиса. Несколько иначе, чем на московских улицах, растет напряженность начавшихся в свое время вполне мирно демонстрации в Афинах, Риме и Лондоне. На Западе не остановились, как в Москве, на требовании соблюдения демократических стандартов (например, избирательного права), а стали строить баррикады, поджигать машины и призывать к всеобщей забастовке. Похоже, что сама протестная культура находится в кризисе, и протест выливается в хаотическое разрушение.

Пожалуй, самый точный комментарий к путанице по вопросу правил игры демократии можно было прочитать пару дней назад в швейцарском Давосе. Демонстрант движения «Оккупируй мировой экономический форум!» стоял, высоко подняв щит с надписью: «Если бы выборы что-то могли изменить, их бы запретили». Ярость эта направлена теперь не против корпоративного капитализма, а против самой политической системы, и на данный момент можно только догадываться, каким ресурсом легитимности располагает демократическая партийная система в Европе.

Русским за последние двадцать лет не удалось адаптироваться к демократии и рыночной экономике по западному образцу. События, которые происходят сейчас однако показывают, что далеко не малая часть из них до сих пор неустанно требует введения именно этой модели. Пессимисты могли бы сказать, что политические реалии в этой стране исключают любые шансы на перемены, и даже в тех государствах, где демократия существует уже некоторое время, она переживает испытание на прочность.

Однако, если собираются сотни тысяч, надо думать, что они убеждены в своей правоте. Демонстранты – про и контра – скорее всего не являются апокалиптическими предвестниками «смутного времени», они скорее признак новой формы политического соучастия в принятии

решений. История общественного протеста со времен Перестройки проявляет примечательную диалектику: сначала вводятся законы, расширяющие свободу мнений. При этом протесты в общественном пространстве набирают силу и выливаются в массовые манифестации. Когда же протест становится слишком громким и все чаще насильственным, это приводит к принятию законов, ограничивающих свободу собраний.

Похоже, наступил момент для нового общественного договора. Если меня сейчас люди на Западе, знающие о моем происхождении из Восточной Германии, спрашивают, что я думаю о Путине, русских и демонстрациях, у меня есть лишь одно предположение: в настоящее время здесь, возможно, гораздо серьезней борются за демократию, чем у нас дома.

(Михаэль Шиндхельм, 10 февраля 2012)